

УДК 101.1:316

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-3-3-46-54

**СОЦИАЛЬНЫЙ ФАНАТИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
МИРОВОЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**© *Токтомагов Ормон Кубанычевич*

соискатель кафедры философии,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: toktomatov_ormon@mail.ru

© *Бадмаева Мария Валентиновна*

доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: badmaeva_marina@mail.ru

В статье рассматривается значение социального фанатизма в эпоху глобализации. Фанатизм понимается как феномен, отличающийся совместным действием личностно-бытийных, культурно-мировоззренческих и социально-политических факторов. Отмечается, что истоки фанатичного сознания и предпосылки его оформления в институциональных формах коренятся в проблеме преодоления современных социальных кризисов. Авторы полагают, что предсказанная П. А. Сорокиным трансформация человечества может служить основой предотвращения фанатизма на социальном уровне. Сочетание социально-экономических условий, благоприятствующих расколу личностной целостности, отдалению человека от подлинной самореализации, потребительских ценностных стандартов общества, непреодоленных социальных и личностных конфликтов создает взаимосвязанный комплекс факторов формирования современного фанатизма. Преодоление фанатизма и связанных с ним экстремизма и терроризма в своей основе имеет движение к раскрытию способности к необусловленной альтруистической любви как общественного и личностного идеала.

Ключевые слова: глобализация; личность; социальный кризис; фанатизм; экстремизм; эгоизм; П. А. Сорокин; социальная трансформация; ценности; альтруистическая любовь.

Глобализация всех сторон жизни человечества привела не только к невиданным прежде масштабам технологического прогресса и обеспечения высокого уровня жизни в развитых странах; всеобщая связанность бытия и культур территориально отделенных обществ в случае возникновения войны грозит гибелью всему человечеству, всей человеческой цивилизации. Еще никогда в истории не был столь высоким риск перехода войн в глобальные, губительные для всего человечества катастрофы. Постиндустриальное общество часто рассматривается как система взаимозависимо развивающихся частей, для которых свойственны единство и сотрудничество. Но под внешним благополучием и декларируемым гуманизмом глобализации кроются множественные неравенства — имущественные, образовательные,

социокультурные, имеются огромные разрывы в качестве жизни и возможностях доступа к благам цивилизации, социальные, национальные противоречия, расовая рознь во многих регионах мира. Культура, ценности, включая религию, в такой ситуации — мощная интегративная сила, способная сплотить общество, защитить его от раскола, разрушения. В то же время реальные условия таковы, что разъединяющая, даже не дифференцирующая, а угрожающая существованию мира роль фундаменталистских религиозных течений все более нарастает. Фанатизм, неизбежно сопровождающий их в современном мире, наиболее опасен, поскольку он может «высечь искру» в условиях межцивилизационных противостояний. В этой ситуации становление морально ответственных личностей, обладающих критическим мышлением и ясным пониманием общечеловеческих ценностей, становится одним из важнейших факторов противодействия фанатизму.

Фанатизм — своеобразное ядро деструктивного типа социальных взаимодействий, и, следовательно, он противопоставлен конструктивным, созидательным связям и взаимоотношениям в обществе.

Созидание всегда связано с творческим, осмысленным трудом на благо общества, разрушение — со сломом существующих социальных коммуникаций, экономических, семейных, смысловых и ценностных отношений, который часто прикрывается стремлением к достижению некоего «социального блага». Позитивный аспект разрушения как смены отжившего порядка, не соответствующего новым ценностям и потребностям, «расчищающей» место для новых структурных образований, может быть выявлен лишь посредством отстраненной исторической рефлексии прошлого: для человека, погруженного в гущу событий, деструктивные социальные процессы болезненны [1]. Другими словами, для адекватного понимания положительного значения происходящих социальных изменений необходимо ориентироваться на их сугубо рациональную оценку, которая служит мощным инструментом рефлексивного мышления. Так, вспоминая войны и революции XX в., выдающийся русско-американский философ П. А. Сорокин отмечал: «во всей человеческой истории едва ли найдется другой, столь же критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно правящих кругов, столь же отмеченный превращением человека в самого дикого и опасного из зверей. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть телу, духу, уничтожил в себе Божье подобие. Все гибло — тело, дух, вековая мудрость, прекрасные мечты» [8, с. 161].

XXI век намного превосходит XX век по «технической вооруженности», грозящей существованию человечества, по накалу борьбы между конфликтующими социальными системами, между государствами «ядра» и «периферии», что в значительной степени обеспечивает рост и процветание терроризма и тесно связанного с ним фанатизма.

В современные процессы вносит вклад продолжающаяся поляризация экономического развития регионов мира. С одной стороны, можно видеть процветание «золотого миллиарда» — населения Западной Европы и США,

потребляющего значительно больше материальных благ, чем это нужно с точки зрения здоровой рациональности, и с другой — целые регионы Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, погруженные в военнополитический и экономический хаос. Поэтому в современных условиях фанатизм обладает чертами системной деформации личности и общества. Он характеризуется догматизмом, рационалистичностью, ориентацией на антиценности. Фанатичное мировоззрение всегда содержит какой-либо вариант поляризации мира, а поведение ориентировано на саморазрушение и деструктивную деятельность [13].

Как в основе личностной размерности социального фанатизма лежит комплекс потребностей и ценностей, возникающий под влиянием социальных условий современности и побуждающий субъекта к сужению его мировоззренческого горизонта, фиксации на сверхценной идее и четкому проведению границы между добром и злом, так и в социальном экстремизме и терроризме имеется комплекс социальных мотивов, групповых потребностей и ценностей, толкающий экстремистские сообщества к террористической деятельности.

Социально-культурная ситуация формирования фанатизма предполагает конфликт между социальным статусом, культурой, с которыми связан фанатичный субъект, и его социальными претензиями. В этом конфликте сталкиваются стандарты доминирующего общества, его идеологическая основа, мировоззренческие системы и религиозные верования, с одной стороны, и фанатичная идеология, с другой стороны. Фанатизм слит с социальным конфликтом, проявляясь в нем и как феномен человеческого сознания, и как явление жизни общества. В то же время первостепенным фактором фанатизации в современных условиях является характер общественного устройства, который направляет все усилия людей на материальное потребление. Субъективно осознаваемая «неправильность» мира, невозможность в таких условиях самореализоваться подталкивают личность к рубежу фанатизма.

Поскольку бытие человека цельно, нераздельно и причины его поведения комплексны, они могут быть лишь условно подразделены на экономические, политические, культурные. Вследствие этого воздействие указанных факторов на формирование фанатизма всегда будет иметь комплексный характер. Так, сложность социально-экономической ситуации для личности может иметь субъективное выражение в чувстве ущемленности, социальной неполноценности, отсутствия перспектив. Ответственность может быть возложена личностью на существующий политический строй, религиозные структуры, этнические группы. Тогда сформировавшееся недовольство, дискомфорт могут найти выражение в поиске таких институциональных сил, которые обеспечат личности выход ее негативной энергии, позволят каким-либо образом восстановить утраченное душевное равновесие, вернуть иллюзорное чувство осмысленности происходящего, для того чтобы продолжить успешное социальное функционирование.

Радикализация сознания, как правило, не происходит одномоментно — личностная предрасположенность, социальная ситуация, сложная экономи-

ческая обстановка, невозможность (реальная или воображаемая) полноценной личностной самореализации — ее необходимые условия. Социальный фанатизм возникает как массовое явление в зависимости от комплекса внутренних и внешних условий. Фанатичное сознание формируется под воздействием ценностно-мировоззренческих характеристик общества. Ситуация противоборства политических сил, слом экономического уклада, масштабная социальная трансформация порождают противоречия между различными социальными группами населения, которые также выступают как конфликт потребностно-ценностной сферы. К примеру, эмпирическое социологическое исследование студенческой молодежи, проведенное И. В. Васениной, выявило, что возникновение экстремизма в молодежной среде провоцируется кризисным состоянием общества и его основных институтов, включая семью; негативными сдвигами в ценностных ориентациях молодых людей; коммерциализацией средств массовой информации, целенаправленно формирующей определенный «образ» субкультуры; тенденциями к дегуманизации и деморализации искусства; отсутствием единой системы гуманитарного воспитания [4].

В большинстве обществ профессионально смонтированные медийными специалистами образы глянцевого стандарта потребления способствуют тому, что нарушается социализация молодежи в рамках традиции, а стремления к самостоятельному поиску смысловых оснований своей жизни, ее глубины, не возникает. Выход из «экзистенциального вакуума», о котором писал В. Франкл, становится уделом небольшой прослойки индивидов, ищущих смыслы, тогда как основной массой населения уже усвоен предьявленный идеал потребительского общества [11].

Эгоцентричная личность, сталкиваясь с невозможностью достижения того уровня потребления, на который программирует человека массовая культура, сохраняет нереализованное желание достичь этого уровня, и в результате испытывает состояние неудовлетворенности, разочарования в своих силах и в обществе. Индивид, остро воспринимая диссонанс между личными ценностями и ценностями общества, где господствует стереотип, приравнивающий успешность жизни к успешности потребления, может пойти как минимум тремя путями: либо использовать несовпадение реальности и ожиданий как ресурс для углубления работы над собой, самосовершенствования, либо вытеснить конфликт и перейти к стагнации личности, регрессировав на уровень витальных и социально-статусных потребностей, впрочем без особых притязаний, либо примкнуть к существующей фанатичной организации, или же, как разновидность этого же пути, предложить собственную доктрину изменения существующего социального порядка. Тем самым субъект дает выход скопившейся негативной, протестной энергии в форме деятельности по преобразованию мира. Как правило, такая деятельность не бывает созидательной: в силу поверхностности фанатичной доктрины, невовлеченности в глубинные, бытийные смыслы, фанатичная деятельность деструктивна. Фанатик-экстремист стремится восстановить свой личностный мир, «преобразуя» (а по сути, нарушая и разрушая) мир социальный.

Что же можно противопоставить увеличению эгоцентризма и связанному с ним риску роста фанатизма в современном обществе? Ответ можно дать, исходя из предложенной П. А. Сорокиным парадигмы альтруизации общества [10]. Переводя внимание с безличной ответственности общества на персональную ответственность личности, П. А. Сорокин апеллирует за возвращение индивидууму свободы, лидерства, сознательной и сверхсознательной энергии, обретение новых личностных смыслов. Рост осознанности, владение всей полнотой и мощью критического мышления в сочетании с ясным пониманием своих ценностей избавят людей от необходимости сражаться за чуждые им цели и погибать в войнах. Основанная на осознанных личностях общество альтруизация, по замыслу П. А. Сорокина, должна охватить сферу социальных и культурных институтов. План трансформации, предусматривающий альтруизацию общества, включает встречное движение вверх и вниз — от продуманной политики, включающей накопление знаний и методов альтруизации, к спонтанному движению альтруистических личностей в ее поддержку. Укоренение в сознании альтруистического типа мироотношения способно лишить фанатичные движения почвы формирования. Фанатизм всегда поляризован, он требует образа Другого-Чужого, но если весь мир мыслится как мирный и созидательный космос, то не остается места насаждению воинствующих идеологий, разрушительных для личности и социума. Именно поэтому П. А. Сорокин приходит к выводу, который особенно актуально звучит сегодня, в обстановке поляризованной и взрывоопасной политической ситуации: «Без увеличения производства, накопления и распространения энергии неэгоистической любви никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармоничное устройство человеческого универсума» [9, с. 248].

Рассмотрим проблему ценности любви к себе и миру в контексте фанатичного сознания. Ценности Любви, фактически отвергаемые в любой доктрине фанатизма, обеспечивают безусловное принятие Другого. Стремление к изменению Другого, борьбе с ним, напротив, ориентируется на неприятие, отношения зависимости и доминирования, выводит на первый план недоверие и связанную с ним фиксацию на идее контроля. Аксиологический аспект фанатизма состоит в придании некоторым ценностям и идеалам степени важности, превышающей важность гуманистических и экзистенциально-бытийных вопросов. Но поскольку ценности всегда обеспечивают связь человека с трансцендентностью и не могут быть осмыслены лишь на основе критерия рациональности, соприкосновение человека с миром подлинно абсолютного, не подвластного времени возможно лишь на основе гуманитарности как естественного движения человека, действующего определенным образом не из принуждения, а согласно естественному побуждению к любви и благу [5]. В истории достаточно примеров оправдания бесчеловечных поступков идеалами любви, прогресса, великих принципов гуманизма. Фанатик «ставит отвлеченную идею, теорию, проект реформ выше живого человека, и поэтому способен убивать, насиловать, коверкать жизнь людей

ради своего идеала... Обыкновенно в душе таких поборников добра, считающих себя благодетелями человечества, таится гордыня; она побуждает их ценить выше живого человека выработанные ими идеалы и проекты. Сухость, замкнутость в себе, неспособность любить живую конкретную индивидуальность ближнего есть обыкновенный спутник гордыни, ведущий к фанатизму» [6, с. 355]. Таким образом, экзистенциальные истоки фанатичного сознания находятся в нелюбви к себе. Эту нелюбовь Э. Фромм связывал с эгоизмом; он полагал, что З. Фрейд ошибочно считал эгоизм и нарциссизм результатом накопления энергии любви и перенаправления их на себя. Лишение любви — первая предпосылка формирования фанатизма. Первая и важнейшая, поскольку любовь к миру, к Другому, предполагает любовь к себе. «Если человек способен превратиться лишь в средство для возвышения славы Господней, при условии, что Господь, как мы уже поняли, анализируя догмы Лютера и Кальвина, не обладает ни любовью, ни справедливостью, то такой человек имеет все шансы превратиться в раба экономической системы, а со временем в какого-нибудь “фюрера”» [12, с. 138]. «Ничтожность» и «греховность» человека, следствием которых становится неспособность к творчеству и поиску собственных жизненных смыслов, укоренились в догматах протестантской этики и западного менталитета, способствуя превращению человека в «винтик» экономической машины. Н.А. Бердяев, анализируя суть аскезы и связь ее с фанатизмом, подчеркивает, что смысл аскетического самоограничения состоит в ограничении себя, своей собственной любви, чтобы с помощью страданий заслужить прощение и снисхождение Господа [2]. Следуя такой логике, человек, отказывая в праве на любовь к самому себе, а через себя — к миру, отказывает миру в праве на существование.

Таким образом, лишение любви и эгоизм — основные предпосылки формирования фанатичного сознания, и они теснейшим образом переплетены: «основа эгоизма — это недостаток любви к самому себе и практически полное отсутствие уважения к своему собственному “я”, то есть к конкретному человеческому существу с его склонностями и возможностями» [12, с. 146]. Лишенное уважения «я» пребывает в подавленном состоянии, оно отодвинуто на второй план, закамуфлировано «общими» для группы и социума целями. Причем подмена целей может быть масштабной и кардинальной: как бы ни считал индивид, что он действует в своих интересах и сам направляет течение своей жизни, фактически он тратит время на то, чтобы достигать целей, которые ему не нужны, но навязаны обществом. Последние десятилетия процветания потребительской морали в обществе подтверждают это положение. Следовательно, можно признать, что общество как субъект ценностных отношений задает рамки существования фанатизма. Фанатик противопоставлен обществу, и в то же время поработен обществом, все его интересы, цели, действия связаны с преобразованием общества. Таким образом, встает вопрос о нравственном и безнравственном как критериях оценки фанатичной идеологии. Нравственность как совесть, внутренний стержень человека естественна, она смыкается с самоактуализа-

цией и, по сути, с ней неразделима. Нравственность с позиции деятельностного подхода — глубоко интериоризированные, «сердцем принятые» нормы жизни человека как бытийного существа. Нравственность не может существовать без любви, так же как и любовь — без нравственности. Нравственность опирается на диалог Себя и Другого, принятия Другого как себя. У фанатика не возникает «диалогической связи» с Другим, тонкого и едва уловимого, не рационализируемого единства душ [3]. Даже оценивание с точки зрения нравственности — прежде всего внутреннее предписание, разрешающее либо запрещающее определенный вид поведения, соотносящее его с личностью. Мировоззрение фанатика отвергает ценности подлинной альтруистической любви, поскольку оно основано на разграничении людей на своих и чужих, когда группоцентризм становится разновидностью эгоцентризма. Эгоцентризм и нарциссизм заменяют для фанатичного субъекта самоактуализацию его личности, служа суррогатом реализации высших духовных потребностей.

Система ценностей «чувственной культуры», которая имеет ярко выраженную прагматичную ориентацию, согласно П. А. Сорокину, в будущем неизбежно придет в упадок и сменится ценностями идеационального порядка [10]. Имеются все признаки того, что в настоящее время ценности «чувственной культуры» искусственно консервируются с помощью сознательно конструируемой экономическими и политическими силами установки на сверхпотребление. Тем не менее кризис «чувственных» ценностей происходит повсеместно, и он не только выражается в поляризации мира и экономическом неравенстве, «линия раскола» охватывает сознание личности и общества. Поляризация, вызванная кризисом, закономерна, и современный кризис также свидетельствует о расхождении общества к двум противоположным полюсам: моральность и осознанность на одном, бездумное потребление, жестокость и алчность — на другом. Всплеск социального фанатизма, который находит свое воплощение во множестве экстремистских течений — проявление современного кризиса общества, предсказанного П. А. Сорокиным.

Итак, П. А. Сорокин отмечал, что образование, научные знания, беспрецедентно увеличившиеся в объеме и глубине в XX в., освоение физической энергии, религия в виде «словесно-ритуального вероисповедания», сконцентрированная на обрядах и словах, коммунистическая и капиталистическая формы экономической организации не дадут человечеству рецепта «излечения язв человечества», лежащего вне сферы альтруистической любви.

Таким образом, можно сделать вывод об обусловленности феномена фанатизма и эгоцентризма отсутствием полноценного доступа фанатичного субъекта к состоянию безусловной, альтруистической любви. А значит, преодоление фанатизма и проистекающих из его сущности экстремизма и терроризма с помощью криминологических, психологических, политических подходов недостаточно. Поскольку фанатизм есть деформация бытийной основы личности, невозможно игнорировать поднимаемые им философские вопросы, а без них меры борьбы с фанатизмом останутся недостаточ-

ными. Лишь постепенное, упорное движение в сторону развития личности, гармонизации общества, самореализации личности и в итоге переход к более высокому уровню морального сознания, как писал П. А. Сорокин, с помощью «благодати творческой любви» (the grace of creative love) [7] дадут стойкий эффект в преодолении причин социального фанатизма.

Литература

1. Бадмаева М. В. Личность в период религиозной и моральной поляризации // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3. С. 91–97.
2. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды. М.: Моск. психол.-соц. ин-т : Флинта, 1999. 312 с.
3. Бубер М. Проблема человека: пер. с нем. Киев: Ника-Центр, 1998. 132 с.
4. Васенина И. Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм // Высшее образование в России. 2007. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studencheskoj-molodezhi-i-ekstremizm> (дата обращения: 10.05.2018).
5. Ильин В. В. Аксиология. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2005. 216 с.
6. Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с.
7. Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 121–137.
8. Сорокин П. А. Долгий путь: автобиограф. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар : Союз Журналистов Коми АССР, 1991. 304 с.
9. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства. СПб., 2000. 1056 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990. 368 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: Попурри, 2000. 672 с.
13. Calhoun L. An Anatomy of Fanaticism // Peace Review. 2004. Vol. 16, № 3. P. 349.

SOCIAL FANATICISM AS A MANIFESTATION OF THE WORLDVIEW CRISIS IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Ormon K. Toktomatov

Research Assistant,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: toktomatov_ormon@mail.ru

Mariya V. Badmaeva

Dr. Sci. (Philosophy), A/Prof., Head of Philosophy Department,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: badmaeva_marina@mail.ru

The article considers the role of social fanaticism in the era of globalization. Fanaticism is understood as a phenomenon characterized by joint action of personal existen-

tial, cultural, worldview and sociopolitical factors. It is noted that the sources of fanatical consciousness and the prerequisites for creation of its institutional forms are rooted in the problem of overcoming modern social crises. We believe that the predicted by P. A. Sorokin transformation of mankind can become a basis for preventing fanaticism at the social level. The combination of social and economic conditions, which are conducive to the violation of personal integrity, estrangement of a person from true self-actualization, value standards of consumerist society, unresolved social and personal conflicts creates an interconnected complex of factors forming modern fanaticism. Overcoming fanaticism, the related extremism and terrorism is based on discovering the ability to altruistic love as a social and personal ideal.

Keywords: globalization; personality; social crisis; fanaticism; extremism; egoism; P. A. Sorokin; social transformation; values; altruistic love.